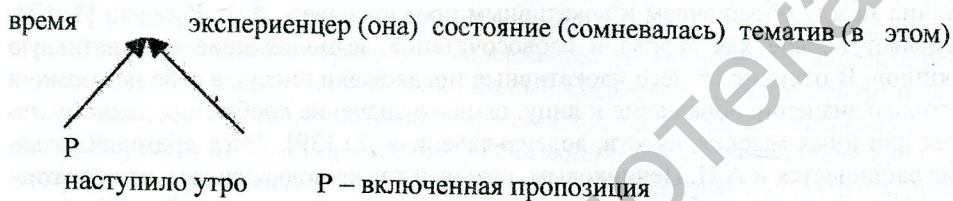

ной грамматике описываются как второстепенные члены предложения (дополнения, обстоятельства и определения). Распространители называют участников ситуации (актанты) и обстоятельства, в которых данная ситуация разворачивается (ситуанты). Вместе с главными членами актанты и ситуанты образуют позиционную схему высказывания. Определения всегда относятся к какому-нибудь из членов позиционной схемы и своей позиции в ней не имеют [4]. Пропозиция является означаемым конкретной позиционной схемы. В пропозиции отражается денотативная ситуация, о которой идет речь.

Пропозицию высказывания *Я сомневаюсь в этом* можно наглядно изобразить следующим образом: экспериенцер (я) сомневаюсь (состояние) в нем (тематив).

Пропозициональную структуру можно усложнить: *Утром она сомневалась в этом*. Обстоятельство времени можно развернуть: *когда наступило утро*. Позиционную схему можно описать следующим образом:

Таким образом, предикат *сомневаться* можно рассматривать в предложении как смысловой глагол и с точки зрения пропозициональных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 5–26.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука. – 1988. – 341 с.
3. Попова, З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание: Учеб. пособие.— 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 408 с.
4. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2004. – 960 с.
5. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 800 с.

Н.А. Ермолина

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЙ В ПЕРЕВОДЕ

Семантические особенности обращений связаны, прежде всего, с двойственной ролью, выполняемой ими в высказывании: с одной стороны, обращения служат для привлечения внимания собеседника и установления контакта между коммуникантами; с другой стороны, обращения чаще всего не просто называют собеседника, а приписывают ему какие-либо характеристики. Первая функция обращения хорошо подмечена В.П. Проничевым [6: 15], который определяет этот элемент языка как «организованное по законам данного языка название реального или предполагаемого адресата речи, используемое в речевом общении с целью

привлечь внимание того лица, к которому речь направлена, вызвать у него определенную реакцию на последовавшее или последующее сообщение или вынудить его к совершению действия, диктуемого разговорной ситуацией». Приведенное определение подчеркивает коммуникативный аспект обращения, указывая на его иллюкутивную силу. В отличие от В.П. Проничева, И.В. Щербинина [8] характеризует обращение как «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающего лицо или предмет, к которому обращена речь». Здесь фатическая функция обращения игнорируется, вместо нее акцент делается на референте – лице, обозначаемом обращением. Важной оказывается не апелляция к этому лицу, а способ его именованя, т.е. собственно лексический компонент обращения.

Нужно отметить, что некоторые ученые отрицают способность обращения своим лексическим составом выражать мысль. На основании этого они проводят различие между обращением и вокативным предложением. А.Ф. Кулагин [3: 138] определяет первое как «слова и словосочетания, выполняющие номинативную функцию». В отличие от него «вокативные предложения несут в себе не только и не столько значение обращения к лицу, сколько значение сообщения данному лицу тех или иных мыслей, чувств, волеизъявления» [3: 139]. Этот критерий различия защищается и А.Н. Печниковым, который также подчеркивает, что вокативные предложения способны передавать мысли адресату речи своей интонационной структурой [4: 85]. Например, в предложении «Петя, пойдем гулять», существительное «Петя» выступает в роли обращения, поскольку основное назначение его в данном контексте – привлечь внимание собеседника. То же существительное в предложении «Петя! Ну, сколько можно!» служит не столько для привлечения внимания, сколько для передачи раздражения (эмоции), поэтому здесь «Петя!» – вокативное предложение (которое, к тому же, отделяется пунктуационно).

Б.П. Ардентов [2: 95] полагает, что вся семантика обращения заключается в «направленности мысли к сообщению ее собеседнику». Указанная направленность является одним из элементов эмоционально-волевой реакции говорящего и передается в процессе речи посредством интонации. Таким образом, к содержанию обращения относится и интонация, с которой оно произносится. Б.П. Ардентов [2: 95] даже утверждает, что «синтаксическая категория, функция которой – устанавливать контакт между собеседниками – это обращение».

Противоположной точки зрения по этому поводу придерживается В.П. Проничев [6: 20–21]. Этот исследователь заявляет, что «изменения физических параметров интонационной структуры синтаксической единицы лишь косвенно указывают на испытываемое говорящим состояние». Интонация, как и жесты или мимика, никакой мысли не выражают. Косвенное указание на эмоциональное состояние говорящего нельзя приравнивать к значениям слов, словесно выраженной информации. «Обращение всегда и, прежде всего, – слово или словосочетание с определенным объективным содержанием, которое в основе своей имеет форму мысли, понятие об адресате речи» [6: 24]. Если условно предположить, что эмоционально-волевая сторона речевого акта выдвинулась на первый и заслонила собой объективное содержание, то мы должны будем приравнять любое обращение к побудительному окрику «Эй!». При этом содержание обращения станет очень неопределенным: кому-то что-то от кого-то нужно. В действительности же, обращаясь к адресату речи, мы обязательно выделяем, с кем хотим установить контакт.

Отметим, что В.П. Проничев только подкрепил своими доводами существовавшую в лингвистике идею о том, что обращение – это, прежде всего, название адресата речи. Именно понятие об адресате речи составляет семантику этой синтаксической единицы. Такой точки зрения придерживались, например, А.А. Шахматов [7: 261], А.М. Пешковский [5: 407], С.И. Абакумов [1: 147] и другие исследователи. В пользу этой точки зрения говорит и тот факт, что необходимость охарактеризовать адресата речи отражается и в синтаксической структуре обращения. Так, В.П. Проничев [6: 39] отмечает, что синтаксическая структура обращения всегда обусловлена характером выражаемого им понятия: «понятие полного объема, как правило, представлено в нераспространенном обращении, понятие сокращенного объема – в распространенном». Помимо этого, синтаксическая структура обращения во много зависит от стилистической или коммуникативной функции, которую выполняет обращение в диалогической речи. Так, обращения в апеллятивной функции по большей части отличаются простотой синтаксической структуры. Это однословные обращения, содержащие в себе название адресата речи – личное имя или стилистически нейтральный аппеллатив. Здесь к нейтральному в стилистическом плане обращению предъявляется элементарное требование – выделить адресата из числа других воспринимающих речь. Однако если обращение употребляется не только и не столько с целью установления контакта с адресатом речи, сколько для передачи субъективного отношения к нему со стороны говорящего или оценочной характеристики адресата, то оно обычно распространяется.

При переводе распространенные обращения нередко вызывают трудности, поскольку переводчику необходимо воспроизвести все личные и культурные смыслы, выраженные при помощи обращения автором текста. Нередко в культуре оригинала имеются конвенциализированные формы обращения (чаще всего распространенные), которые должны передаваться в переводе аналогичными конвенциализированными формами. Тем не менее, авторы художественной литературы иногда обыгрывают такие обращения, воскрешая первоначальные значения входящих в него слов. Например, в рассказе Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» молодой украинец в первый раз обращается к отцу своей возлюбленной с такими словами:

- Ты, верно, человек добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчас узнал.

Словосочетание «добрый человек» в русскоязычной культуре частично конвенциализировалось, но при этом не утратило своей первоначальной семантики – наделяния адресата качеством доброты. Помимо этого, такое обращение нельзя использовать в сфере официального общения, оно направлено на сближение с собеседником. В английском переводе этого рассказа та же фраза звучит как:

- My good sir, I do not suppose you recognize me, but I knew you at once.

Формальность обращения здесь достигается за счет употребления слова *Sir*, которое совершенно не уместно в речи нагловатого украинского парня, предстającego перед нами на страницах рассказа.

Неудачные переводческие решения можно найти и там, где автор текста оригинала употребляет лексику, характерную не для языка, на котором написан сам текст, а для языка народа, описываемого в произведении. Например, герой того же рассказа «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя – украинец. Для передачи местного колорита писатель вставляет в реплики героя украинские слова, которые читате-

лем русского текста воспринимаются как чуждые. В результате, в тексте опредмечивается смысл инаковости, передается местный колорит. Однако в переводе на английский язык переводчик использует нейтральную лексику, и текст теряет свой «украинский акцент». Так, восклицание *Ай да дивчина!*, которым герой приветствует девушку, переведено как *Wow, what a girl!*. Сложность для перевода здесь заключается даже не в той функции, которую выражает обращение (это просто восклицание для привлечения внимания), а в его лексическом наполнении. Восклицание в переводе звучит слишком по-английски; в тексте оригинала восклицание является речевой характеристикой героя – украинца. Занятая переводчиком позиция доместикации себя не оправдала. Следовательно, для перевода обращения в этом случае нужно было выбрать диалектическую лексику, которая также опредмечивала смысл самобытности описываемой культуры.

Несколько удачней, на наш взгляд, является вариант перевода фразы *Славная дивчина!*, который переводчик дал уже в следующем абзаце. Здесь «дивчина» переводится не как *girl*, а как *lovely lass*. Слово *lass* в английском языке диалогически окрашено. Поэтому, хотя шотландская девушка (*lass*) и не является непосредственным аналогом украинской дивчины, в переводе удалось передать чуждость, отличающую героев в оригинале.

Таким образом, сама природа обращений нередко ставит переводчика в затруднительную ситуацию: ему требуется воспроизвести в переводе фатическую функцию обращения, его лексическое значение, а также стилистические и культурные коннотации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов С. И. Современный русский литературный язык. – М: Советская наука, 1943. – 351 с.
2. Ардентов Б.П. Контактующие слова // Уч. зап. Таганрогского гос. пед. ин-та. – 1958. – Вып. 5. – С. 35–42.
3. Кулагин А.Ф. Вокативные предложения в современном русском языке // Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка. – Куйбышев, 1963. – С. 152–168.
4. Печников А.Н. К вопросу о смысловых и грамматических связях обращения в предложении. – Вопросы теории и методики русского языка. – Куйбышев: Куйбыш. гос. пед. ин-т, 1963. – С. 52–58.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
6. Проничев В.П. Синтаксис обращения. – Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та. – 1971. – 88 с.
7. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Л.: Госучпедгиз, 1941. – 600 с.
8. Щербинина И.В. Коммуникативная сущность обращений как средства общения в языкознании. – Автореф. дис. – 2007. www.kubsu.ru/index.php/rus/content/download/4693/18375/file/Автореферат%20Щербининой%20И.%20В..doc (Извлечено 13.04.2009).